

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ (СТ. 205 УК РФ): УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)»

Выполнил
Исаев Азер Муртузович
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность
2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель
профессор кафедры,
доктор юридических наук, доцент
Шайхуллин Марат Селирович

К защите рекомендуется
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ И.Р. Диваева
подпись

Дата защиты «__» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Объективные признаки террористического акта	5
§ 1. Историко-правовой анализ становления и развития законодательства об ответственности за террористический акт	5
§ 2. Объект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ	12
§ 3. Объективная сторона террористического акта.....	18
Глава 2. Субъективные признаки террористического акта	25
§ 1. Субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ	25
§ 2. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ.....	29
Глава 3. Проблемы квалификации и практика применения ст. 205 УК РФ	35
§ 1. Отграничение террористический акта от смежных составов преступлений	35
§ 2. Судебная практика по делам о террористическом акте (ст. 205 УК РФ).....	40
Заключение	45
Список использованной литературы.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы дипломной работы обусловлена неуклонно возрастающей в современном мире угрозой терроризма. Террористические акты представляют собой одну из наиболее опасных форм посягательства на основы конституционного строя, общественную безопасность, а также жизнь, здоровье и имущество граждан. В Российской Федерации борьба с терроризмом является приоритетным направлением государственной политики, что находит свое закрепление в действующем законодательстве, в частности, в ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹.

Несмотря на постоянное совершенствование уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за террористическую деятельность, практика применения ст. 205 УК РФ демонстрирует ряд сложностей и противоречий, связанных с квалификацией деяний, определением субъекта преступления, разграничением смежных составов и применением наказания. Изучение и анализ судебной практики позволяет выявить пробелы в правоприменении и предложить пути совершенствования как уголовно-правовой нормы, так и правоприменительной практики.

Целью настоящего дипломного исследования является проведение всестороннего уголовно-правового анализа состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «Террористический акт», на основе изучения и обобщения материалов теории уголовного права и судебной практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть историко-правовой анализ становления и развития законодательства об ответственности за террористический акт;
- проанализировать объект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

- раскрыть объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ;
- рассмотреть субъективные признаки террористического акта (ст. 205 УК РФ);
- определить ключевые проблемы разграничения террористического акта с иными смежными составами преступлений;
- изучить судебную практику по уголовным делам о террористических актах (ст. 205 УК РФ) для выявления проблем квалификации.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации норм уголовного законодательства, предусматривающих ответственность за совершение террористического акта, а также правоприменительная практика, связанная с рассмотрением уголовных дел по ст. 205 УК РФ.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за террористический акт (ст. 205 УК РФ), а также выводы и постановления судов общей юрисдикции, отражающие практику применения ст. 205 УК РФ.

Методологическую основу исследования составили общенаучный диалектический метод познания, а также частнонаучные методы: логический, статистический и метод анализа процессуальных документов.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Дипломная работа состоит из введения, трех глав, объединяющих соответствующими семью параграфами, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

§ 1. Историко-правовой анализ становления и развития законодательства об ответственности за террористический акт

Исторический генезис уголовно-правовой реакции на террористические проявления уходит корнями в глубокую древность, когда насилие, направленное против государства или его представителей, квалифицировалось как тягчайшие преступления против верховной власти или божественного установления. Ранние правовые системы, такие как Законы Хаммурапи или римское право, содержали нормы, предусматривающие суровое наказание за действия, схожие по своей деструктивной направленности с современным терроризмом, например, за бунт, измену или поджог общественных зданий. Эти деяния рассматривались не просто как нарушение общественного порядка, но как покушение на саму основу социального устройства. В средневековых европейских правовых системах аналогичные задачи решались посредством институтов государственной измены и борьбы с ересью. В тех реалиях любое проявление политического инакомыслия или религиозного фанатизма, сопряженное с физической агрессией, квалифицировалось как тягчайшее посягательство, караемое исключительными методами, включая публичное лишение жизни.

С приходом Просвещения и последующим оформлением национальных государств уголовное право начало претерпевать процесс секуляризации, что способствовало выработке более структурированной классификации преступных деяний. В XIX столетии активизация революционных сил и возникновение первых организованных ячеек, практиковавших террор в качестве политического метода борьбы, стали катализаторами изменений. В тот период законодательная база начала выделять специфические составы правонарушений, угрожающих общественному порядку, хотя легальное определение понятия «терроризм» как таковое отсутствовало. Нормативные акты, направленные на предотвращение атак против государственных лидеров и

сановников, зачастую связанные с применением взрывных устройств или покушениями, явились прообразом дифференцированного подхода к политически обусловленному насилию. Характерным примером служит Франция конца XIX века, где после серии нападений на главу государства принимались чрезвычайные уголовные меры, существенно ужесточавшие санкции за использование взрывчатки с целью дестабилизации государственного строя. XX век стал переломным моментом в развитии законодательства об ответственности за терроризм, что было обусловлено двумя мировыми войнами, ростом национально-освободительных движений и, позднее, развитием транснациональных преступных сетей¹. После Первой мировой войны и в период между войнами, многие государства, особенно в Европе, столкнулись с волной политического экстремизма (как правого, так и левого толка), что стимулировало принятие специальных законов о борьбе с подрывной деятельностью². В этот период впервые появляются попытки унифицировать понятие преступления, направленного на устрашение населения или принуждение власти к принятию решений. Однако отсутствие единого международного подхода замедляло формирование комплексного правового режима.

Советская правовая мысль, особенно в период становления, рассматривала террористические акты как одну из наиболее опасных форм контрреволюционной деятельности. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года и последующих редакциях составы, связанные с «террором», занимали центральное место, акцентируя внимание на подрыве советского строя. Правовое регулирование в тот период отличалось значительной вариативностью: в диспозиции норм включались не только деяния, сопряженные с прямым применением силы, но и действия идеологического или вспомогательного характера, что подчеркивало политическую окраску

¹ Петров П.А. Терроризм: история возникновения и правового регулирования // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2. С. 100.

² Кочои С.М. Законодательство об ответственности за террористический акт: ретроспективный анализ и вопросы совершенствования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 131.

правосудия. Меры ответственности за подобные преступления отличались бескомпромиссностью, нередко заканчиваясь назначением смертной казни.

Мировые потрясения середины XX века, включая процессы деколонизации, привели к трансграничной эскалации террористической угрозы, что выразилось в участившихся захватах заложников и угонах воздушных судов. Данная ситуация вынудила мировое сообщество перейти к созданию унифицированных договорных механизмов. Ключевыми вехами здесь стали Гагская конвенция (1970) о пресечении незаконного захвата авиасудов и Токийская конвенция, касающаяся безопасности гражданской авиации. Фундаментальным принципом, зафиксированным в этих актах, стало правило *aut dedere aut judicare* (выдать или судить), возлагающее на страны обязанность либо осуществлять уголовное преследование лиц, укрывшихся на их территории, либо экстрадировать их для совершения правосудия в иную юрисдикцию¹.

Принятие в 1979 году Международной конвенции против захвата заложников стало логическим продолжением этой работы, охватив деяния, продиктованные политическими, религиозными или мировоззренческими мотивами. Тем не менее, качественный сдвиг в антитеррористической нормативной базе произошел лишь после завершения эпохи биполярности, и особенно под влиянием трагических событий 11 сентября 2001 года. Тот масштаб угрозы обнажил неспособность существовавших тогда механизмов правового реагирования противостоять глобально организованным преступным сетям.

Реакция государств на вызовы начала 2000-х выразилась в фундаментальной перестройке внутреннего уголовного законодательства. В правовых системах большинства стран криминализировались такие деяния, как ресурсное обеспечение терроризма (финансирование), вовлечение лиц в экстремистские сети, трансляция террористической идеологии и содействие

¹ Капитонова Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. №4 (40). С. 21.

подготовке соответствующих атак. Данные изменения существенно расширили границы классического уголовного права, охватив области финансового контроля, ужесточения миграционных режимов и ограничения пределов допустимого высказывания. Параллельно с этим законодатель пошел по пути ужесточения ответственности за приготовления к преступлениям, при этом сроки давности по преступлениям террористического характера были аннулированы или значительно пролонгированы.

Российская законотворческая практика в сфере противодействия террористическим угрозам характеризуется последовательным вектором на ужесточение санкций и детальную регламентацию противоправных деяний. Базисным нормативным правовым актом в данной области выступает профильный Федеральный закон от 2006 года «О противодействии терроризму»¹, который заложил доктринальные основы государственной стратегии и юридического регулирования. Корреспондирующие изменения затронули и Уголовный кодекс РФ: помимо базовой квалификации «Террористический акт» (ст. 205), законодатель имплементировал нормы, криминализирующие вербовочную деятельность (ст. 205.1), публичное распространение террористических идей (ст. 205.2), а также наказание за заведомо ложные сообщения о готовящихся атаках (ст. 207)². Значимым шагом стало выделение в самостоятельные составы преступлений, касающиеся формирования террористических ячеек и непосредственного участия в функционировании подобных объединений.

Современные законодательные новеллы акцентируют внимание на превентивных механизмах воздействия. Наблюдается интенсификация уголовно-правовых мер в отношении лиц, находящихся на стадии приготовления или покушения на преступление. В правоприменительную практику активно внедряются инструменты, позволяющие преследовать субъектов за деяния,

¹ О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Уголовный кодекс Российской Федерации. 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

которые в прошлом могли классифицироваться исключительно как административные проступки либо вовсе оставаться вне сферы уголовного преследования (при отсутствии явного преступного намерения). Ярким примером служит ответственность за вовлечение в преступную деятельность террористического толка с использованием интернет-ресурсов. Подобные трансформации правового поля закономерно спровоцировали в экспертном сообществе серьезную полемику относительно поиска оптимального баланса между необходимостью обеспечения национальной безопасности и гарантиями соблюдения фундаментальных прав и свобод личности, закрепленных в Конституции. Принятие резолюций Совета Безопасности ООН, в частности Резолюции 1373 (2001), обязало государства не только криминализировать террористические акты, но и принимать меры по пресечению финансирования терроризма и недопущению использования их территорий для планирования атак¹. Позднее, Конвенция о предупреждении актов ядерного терроризма и Конвенция о защите опечатанных объектов стали отражением углубляющейся специализации правового регулирования в зависимости от типа используемого оружия или объекта посягательства.

Анализ эволюции законодательства показывает смещение фокуса: от реакции на уже совершенный акт насилия к упреждающему контролю и пресечению всей подготовительной стадии. Если ранние нормы концентрировались на последствиях (убийство, взрыв), то современные составы нацелены на предикативные действия: идеологическое воздействие, сбор средств, обучение, вступление в организации. Это требует от правоохранительных органов и судов высокого уровня доказывания субъективной стороны преступления, поскольку многие действия, связанные с терроризмом, по своей природе являются латентными или маскируются под законную деятельность.

¹ Сафонов И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма: монография. М.: Издатель Шумилова И.И., 2004. С. 30.

В юрисдикциях континентальной системы права, как правило, сохраняется четкое разделение между составами, касающимися непосредственно совершения теракта (например, ст. 205 УК РФ), и составами, связанными с организационной или вспомогательной деятельностью (создание НВФ, вербовка). В англосаксонской системе, напротив, часто используются более широкие статуты, позволяющие квалифицировать широкий спектр действий под общим понятием «поддержка терроризма»¹. Различия в правовых подходах усложняют унификацию усилий в рамках международного сотрудничества, особенно в вопросах экстрадиции и взаимной правовой помощи.

Особой областью развития стало законодательство о международном терроризме. В отличие от внутреннего, мотивированного исключительно локальными политическими целями, международный терроризм характеризуется транснациональностью и использованием насилия для достижения глобальных или межгосударственных целей. Законодательства многих стран вводят повышенную ответственность за акты, совершенные за пределами юрисдикции государства, но направленные против его граждан или интересов, что является реализацией принципа универсальной юрисдикции в отношении наиболее тяжких преступлений.

Ретроспективный обзор свидетельствует о волнообразном характере законодательных инициатив. Традиционно, после масштабных террористических инцидентов правовая система реагирует на вызовы путем усиления репрессивного аппарата, что зачастую сопровождается ограничением процессуальных преференций для обвиняемых. В свою очередь, когда острота социальной напряженности спадает или под влиянием правозащитного лобби, законодатель предпринимает попытки найти компромисс между жесткими мерами обеспечения безопасности и необходимостью соблюдения гражданских свобод. В такие периоды наблюдается вектор на пересмотр уголовных составов

¹ Пикин И.В. Историческое развитие уголовной ответственности за террористическую деятельность // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 201.

в сторону снижения ответственности за деяния, не создающие непосредственной угрозы человеческой жизни.

Эволюция правовых норм, регламентирующих борьбу с терроризмом, демонстрирует явный сдвиг парадигмы: акцент смещается с фиксации фактов физического насилия на превентивный контроль над финансовой инфраструктурой, идеологической средой и латентными преступными умыслами. Подобная трансформация обусловлена метаморфозами самого феномена терроризма, который эволюционировал от разрозненных актов политического экстремизма до глобальных сетевых структур, активно эксплуатирующих цифровые инструменты для осуществления вербовочной деятельности и планирования атак.

Анализ генезиса антитеррористического права обнаруживает закономерный тренд на непрерывное расширение границ уголовной наказуемости и повышение строгости наказаний. Если в ранних правовых памятниках подобные деяния трактовались через призму государственной измены или мятежа, то к текущему моменту законодательство сформировало сложную международную нормативную систему. В ней криминализации подвергаются уже не только акты прямого насилия, но и все сопутствующие действия: от материального обеспечения и вербовки до распространения деструктивных идеологий, создающих фундамент для преступной активности.

Ключевым моментом стало признание транснационального характера терроризма после 2001 года, что привело к инкорпорации в национальные уголовные кодексы широкого спектра составов, направленных на пресечение подготовительной деятельности и контроль над финансовыми операциями. Современное антитеррористическое законодательство характеризуется попыткой упреждения преступлений через расширение юрисдикции и применение мер, выходящих за рамки традиционного уголовного процесса, что неизбежно ставит перед правовой доктриной сложную задачу сохранения баланса между обеспечением государственной безопасности и гарантированием фундаментальных прав и свобод личности.

§ 2. Объект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ

Юридическая природа конкретного состава преступления определяется присущей только ему совокупностью признаков, характеризующих объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону.

Исходя из того, что норма об ответственности за террористический акт расположена в гл. 24 разд. IX УК РФ, родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, а видовым – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

Вопрос о непосредственном объекте террористического акта в юридической литературе решается неоднозначно. Некоторые ученые, полагая непосредственным объектом террористического акта общественную безопасность, к дополнительным относят жизнь и здоровье людей, отношения собственности, нормальное функционирование органов власти, государственных и общественных учреждений и иных социальных институтов¹.

Иную позицию отстаивают авторы, указывающие, что данное преступление посягает исключительно на общественную безопасность. Причем последней как объекту имманентно присущ комплекс отношений по защите личности, материальных ценностей, социальных институтов, окружающей среды и др. Посягательство на общественную безопасность неизбежно связано либо с угрозой этим благам, либо с причинением им реального вреда, поэтому в таких преступлениях отсутствует дополнительный объект². Это подтверждается

¹ Габиева Д.Д. Объективные признаки террористического акта // Технологические инновации и научные открытия: Сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции. Уфа: ООО «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 60.

² Черкасова Я.В. Объект и объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право в эволюционирующем обществе: Сборник научных статей симпозиума молодых учёных и студентов с международным участием. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 287.

анализом механизма причинения вреда общественной безопасности, ведь без взрыва, поджога, угрозы не может быть самого террористического акта, а «эти действия, в свою очередь, невозможны без причинения вреда личности или собственности или хотя бы угрозы его»¹.

Схожей точки зрения придерживаются исследователи, поясняющие, что преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ, причиняет ущерб отношениям безопасности в самом широком смысле слова, охватывая безопасность личности, общества и государства². А.С. Рогожевский считает, что более удачным было бы говорить об основах общественной безопасности как объекте этого преступления³. Некоторые авторы используют такое понятие, как общая безопасность.

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является утверждение, что обязательный непосредственный объект террористического акта – это общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности. Дополнительными же непосредственными объектами, нарушаемыми одновременно с обязательным, могут быть:

- 1) общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья личности;
- 2) общественные отношения собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ;
- 3) общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти.

Для того чтобы аргументировать данное положение, необходимо уточнить используемый нами термин «основы общественной безопасности», а для этого

¹ Галачиева М.М. Характеристика объекта террористического акта: дискуссионные аспекты // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 135.

² Беляева М.Г. Анализ объекта преступления на примере состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «террористический акт» // Современные инновации. 2017. № 7 (21). С. 33.

³ Рогожевский А.С. Краткий анализ состава преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2021. № 5-3 (116). С. 36-38.

следует раскрыть содержание таких понятий, как «безопасность» и «общественная безопасность».

У С. И. Ожегова безопасность – это состояние, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь, а опасность – это способность причинить какой-нибудь вред, а также угроза жизни и здоровью человека, иным его ценностям¹. То есть безопасность определяется через ее антипод, противоположность.

На законодательном уровне понятие безопасности впервые было сформулировано в ч. 1 ст. 1 Закона РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности», который на данный момент утратил силу: «Безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»². Под жизненно важными интересами в Законе понималась совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства. В сменившем его Федеральном законе от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»³ определение безопасности отсутствует.

В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны⁴. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, прежде всего государственную,

¹ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; 28-е изд., перераб. и доп. М.: Мир и Образование, 2014. 1376 с.

² О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Российская газета. – 1992. – 6 мая. – № 103 (утратил силу).

³ О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность и безопасность личности.

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации впервые предлагается определение общественной безопасности, под которой понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

УК РФ не содержит дефиниции общественной безопасности, хотя использует данный термин, причем для характеристики явлений разного уровня.

В юридической науке нет единого подхода к пониманию указанного понятия. А.В. Татьяна считает, что «общественная безопасность предполагает введение определенной системы мер и создание необходимых условий, обеспечивающих спокойное и беспрепятственное функционирование государственных и общественных предприятий, учреждений и организаций, а также спокойствие граждан»¹. У А. Ю. Шумилова общественная безопасность – это «урегулированная нормами права и морали система общественных отношений, выражаемая в защищенности жизненно важных интересов человека, общественного порядка, нормального функционирования государственных органов и общественных организаций от угроз, исходящих от деяний лиц, совершающих правонарушения или нарушающих нормы морали, явлений негативного природного и техногенного характера»². Столь же широкие определения предлагаются и другими учеными, но они носят слишком общий характер и «не дают полного и достаточно четкого представления о содержании и специфических признаках рассматриваемого явления»³. При такой трактовке

¹ Татьяна А.В. Вопросы определения объективных признаков террористического акта // Вестник ТИУиЭ. 2026. № 1 (49). С. 67.

² Аверкина М.А. Террористический акт как преступление против общественной безопасности // Интерактивная наука. 2020. № 4 (50). С. 101.

³ Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебник для вузов / под общей ред. В.И. Гладких, А.К. Есяна. – М.: Издательство Юрайт, 2025. С. 132.

общественной безопасности можно сказать, что на нее посягает любое преступление.

Противоположной точки зрения придерживаются авторы, связывающие данное понятие только с источниками повышенной опасности. Например, А.И. Рарог считает, что общественную безопасность «можно определить как группу однородных общественных отношений, которые существуют по поводу использования особых технических устройств, веществ, процессов (источники общей опасности как предметы отношений) с целью установления и поддержания между отдельными гражданами, коллективами людей и обществом в целом... определенной социальной связи, направленной на предотвращение причинения вреда индивидуально-неопределенному кругу граждан и другим участникам отношений, то есть на обеспечение общей безопасности»¹.

Такие определения не учитывают, что преступления против общественной безопасности могут быть и не связаны с нарушением специальных правил обращения с данными источниками. На уязвимость описанных позиций неоднократно указывалось в научной литературе

Хотя применительно к УК РСФСР и других союзных республик (а высказывания относятся к тому времени, когда действовали именно эти УК) данная концепция была вполне приемлемой.

Иной вариант решения вопроса о содержании термина «общественная безопасность» предложила М.Ю. Милаева. Она рассматривала указанное понятие на четырех уровнях: в самом широком, широком, узком смысле слова и как родовой объект преступлений против общественной безопасности. На первом уровне (в самом широком смысле слова) общественная безопасность трактовалась им как «безопасность общества от различных опасных источников», на втором (в широком смысле слова) – как безопасность общества от общественно опасных посягательств. Третий уровень понятия (в узком смысле слова) использовался уголовным законом в гл. X Особенной части УК

¹ Рарог А.И. Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 10 (98). С. 150–156.

РСФСР. Наконец, на четвертом уровне общественная безопасность выступала у него как родовой объект соответствующих преступлений и представляла собой «определенную систему... общественных отношений, обеспечивающих предотвращение и устранение общей опасности насильственного причинения вреда правоохраняемым интересам в целом, гарантирующих тем самым их устойчивость и надежность»¹. Это была общая безопасность, так как она связывалась с общепасными источниками.

Такой многоуровневый подход к определению данного понятия очень рационален и используется в настоящее время многими учеными. Так, общественную безопасность часто рассматривают в широком и в узком смыслах слова. Когда речь идет о типовом объекте преступлений, предусмотренных разд. IX УК РФ, под ней (в широком смысле) понимают совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение и поддержание безопасных условий функционирования общества и общественного порядка; здоровья населения и общественной нравственности; экологической безопасности; безопасности движения и эксплуатации транспорта; безопасности в процессе использования компьютерной информации. В случаях когда говорят о родовом объекте преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ, общественная безопасность (в узком смысле слова) определяется как совокупность общественных отношений, обеспечивающих: 1) безопасные условия жизни общества; 2) общественный порядок; 3) безопасность при производстве различного рода работ; 4) безопасность в процессе обращения с предметами, веществами и материалами общепасного характера.

Перечисленные компоненты общественной безопасности (в узком смысле слова) выступают непосредственными объектами отдельных видов преступлений, включенных в гл. 24 УК РФ. Нас будет интересовать первый из указанных элементов, затрагивающий глубинные интересы в сфере обеспечения безопасных условий жизни общества. Исследуемый нами объект является

¹ Милаева М.Ю. Террористический акт как угроза общественной безопасности: спорные вопросы и их решения // E-Scio. 2021. № 11 (62). С. 5.

специфическим компонентом общественной безопасности, вобравшим в себя условия самого существования общества. Его можно определить как основы общественной безопасности, особенность которых состоит в том, что они включают совокупность общественных отношений по обеспечению неприкосновенности жизни и здоровья граждан, общественного спокойствия, имущественных интересов физических и юридических лиц, нормальной деятельности государственных и общественных институтов. Поэтому перечисленные общественные отношения являются дополнительными объектами террористического акта.

Таким образом, под основами общественной безопасности следует понимать одну из составляющих общественной безопасности как родового объекта преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ, не связанную ни с посягательством на общественный порядок, ни с нарушением специальных правил ведения различных работ или обращения с предметами, веществами и материалами общепасного характера и представляющую собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих базовые условия безопасной жизни личности, общества и государства.

Итак, обязательный непосредственный объект террористического акта – это общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности. Дополнительными непосредственными объектами, нарушаемыми одновременно с обязательным, могут быть: общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья личности; общественные отношения собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ; общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти.

§ 3. Объективная сторона террористического акта

Объективная сторона террористического акта, закрепленная в ст. 205 УК РФ, представляет собой совокупность внешних проявлений преступления,

выражающихся в общественно опасном деянии, его общественно опасных последствиях и причинно-следственной связи между ними, а также в способах, средствах и месте совершения преступления. Ключевым элементом этой стороны является действие – совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий. Формулировка диспозиции ст. 205 УК РФ является «бланкетной» в части описания конкретных действий, что требует обращения к нормам других законодательных актов для точного определения, какие именно действия могут быть признаны составляющими террористический акт. Перечень действий, начинающийся со слов «совершение взрыва, поджога или иных действий», указывает на то, что законодатель не ограничился исчерпывающим перечнем, допуская квалификацию деяний, которые по своему характеру и потенциальной опасности сопоставимы со взрывом или поджогом¹.

Критерием, позволяющим отнести то или иное действие к составляющим террористического акта, является его способность создавать угрозу наступления перечисленных в диспозиции последствий. Это означает, что объективная сторона может быть окончена уже на стадии создания угрозы, без фактического наступления тяжких последствий. Например, установка взрывного устройства в общественном месте, даже если оно не было приведено в действие или было обезврежено, при условии, что оно обладало реальной способностью вызвать взрыв, может быть квалифицировано как окончанный террористический акт, если при этом имелась цель устрашения населения или оказания воздействия на принятие решений органами власти. Угроза, создаваемая действием, должна быть «реальной» и «непосредственной», то есть такой, которая объективно способна вызвать страх и панику среди населения или заставить уполномоченные органы действовать в интересах преступника.

¹ Бадамшин С.К. Некоторые аспекты объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 39.

Рассмотрим детально виды действий, указанных в законе. Взрыв как действие предполагает использование взрывчатых веществ или устройств, вызывающих быстрое, самораспространяющееся химическое превращение с выделением большого количества энергии и образованием газов, способных разрушать окружающие предметы. Поджог — это умышленное воспламенение объектов, обладающих горючими свойствами, с целью причинения масштабного пожара, который, в свою очередь, создает угрозу для жизни и имущества. Важно отметить, что сам по себе акт поджога может не образовывать состава террористического акта, если он не сопряжен с целью создания общественной опасности в масштабе, соответствующем террористическому акту.

Категория иных действий является наиболее широкой и открытой, требующей судебного толкования в каждом конкретном случае. К иным действиям, создающим опасность гибели людей или наступления тяжких последствий, могут быть отнесены: отравление водоемов или систем водоснабжения опасными химическими или биологическими веществами; создание условий для обрушения зданий или сооружений (например, путем подпиливания несущих конструкций); преднамеренное нарушение работы систем жизнеобеспечения (электроснабжения, газоснабжения, отопления) в густонаселенных районах в зимний период; распространение заведомо ложной информации о минировании объектов, если эта информация вызывает массовую эвакуацию и сопутствующую панику, создающую угрозу давки¹. Ключевым здесь является не просто факт совершения действия, а именно «создаваемая им опасность» для широкого круга лиц или объектов стратегического значения.

Объективная сторона террористического акта всегда сопряжена с общественно опасными последствиями либо с созданием реальной угрозы их наступления. Закон выделяет три группы потенциальных последствий:

- 1) гибель людей;

¹ Кудрявцев В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «террористический акт»: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2013. №1-2 (29). С. 197.

- 2) причинение значительного имущественного ущерба;
- 3) наступление иных тяжких последствий.

Гибель людей является наиболее тяжким из возможных последствий. В отличие от убийства, где требуется доказательство намерения убить конкретное лицо, при террористическом акте достаточно, чтобы смерть наступила в результате общеопасного действия, даже если виновный не имел намерения убивать именно этих конкретных жертв. Смерть должна находиться в прямой причинно-следственной связи с совершенным действием.

Причинение значительного имущественного ущерба требует оценки материального вреда, нанесенного объектам, не находящимся в собственности самого преступника. Понятие «значительный ущерб» определяется с учетом имущественного положения потерпевших (физических или юридических лиц) и общезначимости поврежденного имущества. В контексте терроризма, значительным ущербом часто признается повреждение объектов критической инфраструктуры, даже если прямая денежная оценка его невелика, но последствия для жизнеобеспечения населения велики.

Наступление иных тяжких последствий является оценочной категорией. К ним традиционно относят: причинение вреда здоровью различной степени тяжести неопределенному кругу лиц; длительное нарушение работы государственных органов или транспортных систем; экологическое заражение территории; массовую эвакуацию, вызвавшую транспортный коллапс или панику. Важно, что для квалификации по статье 205 УК РФ достаточно «создания угрозы» этих последствий, если само действие было направлено на достижение террористической цели. Если же последствия наступили (гибель людей, значительный ущерб), состав преступления считается оконченным вне зависимости от того, была ли достигнута конечная цель (принуждение или устрашение).

Причинно-следственная связь является обязательным элементом объективной стороны, когда речь идет о наступлении реальных последствий. Должно быть доказано, что именно взрыв, поджог или иное общеопасное

действие, совершенное виновным, стало условием, без которого данное последствие не наступило бы. Отсутствие этой связи исключает квалификацию по статье 205 УК РФ в части, касающейся наступивших последствий (например, если смерть наступила от сердечного приступа у свидетеля, а не от прямого воздействия взрывной волны)¹.

Существенное значение для объективной стороны имеют способ и средства совершения преступления. Хотя закон прямо не перечисляет все возможные средства, они всегда подразумевают использование методов, способных вызвать общественную опасность, выходящую за рамки обычного насилия. К средствам относятся взрывчатые, отравляющие, радиоактивные, биологические или иные вещества и устройства. Использование огнестрельного оружия или холодного оружия, как правило, не образует объективной стороны террористического акта, если только оно не используется как средство доставки взрывного устройства или не сопряжено с массовым расстрелом, который по своей сути создает угрозу, сопоставимую с взрывом (например, стрельба из гранатомета по толпе)².

Место совершения террористического акта также может иметь значение для квалификации, особенно при наличии квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 205 УК РФ (например, совершение в отношении объектов топливно-энергетического комплекса, транспорта, образовательных учреждений). Однако сам по себе состав основного преступления (ч. 1 ст. 205) не привязан к конкретному месту, а лишь к характеру создаваемой опасности. Важно, что место должно быть таким, где совершение действия объективно создает угрозу для неопределенного круга лиц или объектов, имеющих общественную значимость.

¹ Черепанов Р.А. Объективная сторона основного состава террористического акта (часть 1 статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник магистратуры. 2020. № 4-1 (103). С. 42.

² Зырина М.С. Особенности признаков объективной стороны террористического акта // Современная юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 98.

Объективная сторона террористического акта может быть выражена как в активном действии, так и в бездействии, если это бездействие сопряжено с обязанностью предотвратить наступление общепасных последствий (например, лицо, ответственное за охрану склада боеприпасов, умышленно не принимает мер для предотвращения взрыва, зная о его неминуемости и преследуя террористическую цель). Однако в большинстве случаев терроризм реализуется через активное, целенаправленное действие, направленное на дестабилизацию обстановки.

Квалифицирующий признак, связанный с посягательством на жизнь сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, также является частью объективной стороны. В этом случае объективная сторона включает не только общепасное действие, но и специфическую цель – нападение на представителей власти, исполняющих свои служебные обязанности. Это посягательство, даже если оно не привело к тяжким последствиям, само по себе квалифицирует деяние как террористический акт.

Важной особенностью объективной стороны ст. 205 УК РФ является ее «формальный» характер в части создания угрозы. Преступление считается оконченным с момента совершения того действия, которое создает реальную опасность гибели людей или наступления тяжких последствий, независимо от того, достигнута ли конечная цель (принуждение власти или устрашение населения)¹. Если цель не достигнута, но действие совершено, объективная сторона полного состава преступления реализована. Если же действие не создало реальной угрозы, а лишь имитировало ее (например, использование муляжа взрывного устройства, которое не может взорваться), содеянное может быть квалифицировано как ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ),

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

если имелась цель вызвать панику или помешать нормальной деятельности учреждений.

Таким образом, объективная сторона террористического акта характеризуется совершением общественно опасного действия (взрыв, поджог или иное), которое создает реальную угрозу наступления тяжких последствий, либо приводит к их фактическому наступлению (гибель людей, значительный ущерб, иные тяжкие последствия). Обязательным является наличие причинной связи между действием и наступившими последствиями. Специфика объективной стороны заключается в формальном характере состава при создании угрозы и широком перечне потенциальных общеопасных действий, что требует от правоприменительной практики постоянного соотнесения характера деяния с его потенциальной способностью вызвать массовый страх и дестабилизацию.

Объективная сторона террористического акта представляет собой деяние, которое по своему характеру и используемым средствам направлено на создание или реализацию угрозы общественной безопасности через причинение вреда жизни, здоровью, имуществу или функционированию государственных систем. Оконченность состава достигается либо моментом создания реальной опасности, либо фактическим наступлением указанных в законе последствий, при этом ключевую роль играет способность действия вызвать массовый резонанс и страх, что отличает данный состав от преступлений против личности и собственности, совершенных иными способами.

ГЛАВА 2. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

§ 1. Субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ

В уголовном праве субъект преступления – это лицо, совершившее общественно опасное деяние, ответственность за которое установлена уголовным законом, и способное нести за него уголовную ответственность¹. Субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, общий, то есть им может признаваться любое вменяемое физическое лицо, достигшее ко времени его совершения установленного уголовным законом возраста.

В соответствии со ст. 11-13 УК РФ субъектами преступления могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. Уголовная ответственность юридических лиц в УК РФ не предусмотрена, хотя в последнее время такая возможность активно обсуждалась как в науке уголовного права, так и на законотворческом уровне. Но положительное решение данного вопроса противоречило бы одному из основных принципов уголовного права – принципу вины (ст. 5 УК РФ). Ответственность юридических лиц за наиболее опасные правонарушения – это качественно иной и пока теоретически не разработанный вид ответственности, сочетающий гражданско-правовые и уголовно-процессуальные элементы. Поэтому нельзя говорить об уголовной ответственности террористической организации в целом, к ней могут привлекаться лишь физические лица – члены такой организации, виновные в террористической деятельности.

Вопрос о вменяемости неизбежно возникает в связи с совершением лицом рассматриваемого общественно опасного деяния. В теории уголовного права под вменяемостью понимают такое состояние психики, при котором человек способен осознавать фактический характер и общественную опасность своих

¹ Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов / А.В. Наумов и др.; 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 120.

действий (бездействия) и руководить ими. Уголовный закон не содержит понятия вменяемости, а раскрывает лишь противоположное понятие – невменяемость (ч. 1 ст. 21 УК РФ), складывающееся из совокупности двух критериев: юридического (психологического) и медицинского (биологического). Юридический критерий определяется интеллектуальным (невозможность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий)) или волевым (неспособность руководить ими) признаком. Разделение признаков союзом «или» означает достаточность установления хотя бы одного из них для формирования юридического критерия невменяемости. Медицинский критерий указывает на причины возникновения юридического критерия. Ими альтернативно могут выступать хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие или иное болезненное состояние психики.

В российском уголовном праве (ст. 22 УК РФ) впервые сформулировано понятие ограниченной вменяемости (психическое расстройство, не исключающее вменяемость) и закреплено, что подобное состояние учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не может быть признано субъектом преступления вообще и субъектом террористического акта в частности. Оно не подлежит уголовной ответственности, но в соответствии с ч. 2 ст. 21 УК РФ ему могут быть назначены судом принудительные меры медицинского характера, не являющиеся наказанием (разд. VI УК РФ).

Вывод о вменяемости или невменяемости лица по конкретному уголовному делу делает суд (при производстве предварительного расследования – орган дознания, следователь) на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы. Приведем такой пример.

Житель п. Усть-Омчуг Теньшинского района Магаданской области Т. в декабре 1997 г., находясь в качестве пассажира на борту самолета «ИЛ-62»,

следующего по маршруту Магадан – Москва, передал командиру корабля записку, в которой, угрожая взрывом воздушного судна, потребовал по прибытии в столицу встречи с представителями власти России и Швейцарии, передачи ему 10 млн долл. и обеспечения последующей эмиграции из страны. Его угрозы экипажем воздушного судна были восприняты реально. При прилете в Москву Т. был задержан сотрудниками правоохранительных органов, однако взрывного устройства в самолете обнаружено не было. В результате совершенного преступления государству был причинен значительный имущественный ущерб. По заключению стационарной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, у Т. с августа 1997 г. развилось острое психотическое состояние параноидальной структуры, сопровождавшееся бредовой интерпретацией окружающей обстановки, идеями преследования, страхом, иллюзорными слуховыми обманами восприятия и неадекватным поведением, в связи с чем он нуждался в медицинской помощи. Московский городской суд определил, что Т. совершил общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, в состоянии невменяемости, и на основании ст. 21 УК РФ назначил ему принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Третий общий признак субъекта преступления – достижение установленного уголовным законом возраста. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за террористический акт подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-летнего возраста (в то время как общий минимальный возраст наступления уголовной ответственности определен в 16 лет). Аналогичным образом данный вопрос решен и в УК РСФСР. Однако некоторые исследователи считают, что повышенная общественная опасность не является основным и единственным аргументом для снижения возраста уголовной ответственности¹.

¹ Кызродев К.Б. Субъективные признаки состава террористического акта и иных преступлений террористической направленности // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 347.

На наш взгляд, понижение минимального возраста уголовной ответственности за данный вид преступлений вполне оправданно. Во-первых, ответственность за некоторые преступления террористического характера наступает также с 14 лет. Во-вторых, сам характер деяния, составляющего объективную сторону рассматриваемого состава (взрыв, поджог и т. п.), свидетельствует о том, что лицо, достигшее 14 лет, в полной мере может осознавать его общественную опасность. В-третьих, в современных условиях растет число несовершеннолетних террористов, особенно в нестабильных регионах (например, на Северном Кавказе). В-четвертых, уголовный закон предусмотрел повышенный (но не более 18 лет) минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности, устанавливаемый судом с учетом отставания лица в психическом развитии, не обусловленного психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Это означает, что если человек достиг к моменту совершения или угрозы совершения террористического акта 14-летнего возраста, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то он не подлежит уголовной ответственности.

При наличии данных, могущих свидетельствовать об умственной отсталости несовершеннолетнего подсудимого, назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза (ст. 195, 196, ч. 2 ст. 421 УПК РФ)¹. При этом на разрешение эксперта-психолога в обязательном порядке ставится вопрос о степени умственной отсталости подростка, интеллектуальное развитие которого не соответствует его возрасту.

Необходимо заметить, что в уголовном праве совершение преступления с привлечением невменяемых лиц или лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не создает соучастия, так как эти лица не могут быть субъектами преступления. Из этого следует, что в случае совершения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

преступления (в частности, террористического акта) двумя лицами, одно из которых не может быть его субъектом, действия второго (вменяемого и достигшего установленного уголовным законом возраста) квалифицируются как совершение преступления одним лицом, а не группой. Кроме того, умышленное использование лицом, обладающим признаками субъекта преступления, других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или иных обстоятельств, предусмотренных УК РФ, рассматривается как «посредственное исполнение» и влечет его уголовную ответственность за содеянное как исполнителя преступления. При подстрекательстве несовершеннолетнего к совершению преступления действия взрослого лица (достигшего 18-летнего возраста) должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в форме подстрекательства) в совершении конкретного преступления¹.

В заключение, субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, определяется совокупностью общих и специфических признаков. Общие признаки – достижение шестнадцати лет и вменяемость – являются обязательными условиями уголовной ответственности. Специфика проявляется в форме вины – исключительно прямой умысел, направленный на достижение целей дестабилизации, устрашения или принуждения государственных органов. Отсутствие специальных признаков (должности, профессии) делает круг субъектов широким, но требует точного доказательства осознания общественной опасности деяния и желания наступления именно террористических последствий.

§ 2. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

Субъективная сторона террористического акта – психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления, признаки которой отражены и закреплены в уголовном законе¹. Это наиболее сложный и трудно устанавливаемый элемент состава преступления. Субъективная сторона характеризует процессы, протекающие в психике виновного, и не поддается непосредственному восприятию органами чувств человека, но установить ее можно посредством анализа и оценки поведения правонарушителя и обстоятельств совершения преступления.

Обязательными признаками субъективной стороны теракта являются вина и специальная цель. Для определения формы и вида вины обратим внимание на следующие положения.

1. Во всех случаях, когда в статье Особенной части УК РФ специально не предусмотрено совершение преступления только по неосторожности, оно может быть совершено умышленно или по неосторожности либо только умышленно (ч. 2 ст. 24 УК РФ).

2. Указание в законе на специальную цель исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом, а тем более по неосторожности: оно может сочетаться только с прямым умыслом.

Основным, конституирующим признаком субъективной стороны террористического акта является прямой умысел. Умысел в данном случае охватывает как само деяние (взрыв, поджог и т.п.), так и осознание общественной опасности этого деяния. Лицо, совершающее преступление по ст. 205 УК РФ, не просто предвидит, но и желает наступления общественно опасных последствий, выражающихся в устрашении населения, дезорганизации нормальной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления или международных организаций, а также в причинении вреда здоровью граждан, имуществу, созданию угрозы жизни людей. Прямой умысел исключает возможность привлечения к ответственности по данной статье лиц,

¹ Уголовное право. Общая часть. Семестр I: учеб. для вузов / И.А. Подройкин и др.; 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. С. 119.

действовавших по неосторожности, поскольку неосторожное причинение вреда в результате действий, внешне напоминающих террористический акт, будет квалифицироваться по другим статьям УК РФ, если такие составы имеются.

Особое значение в структуре субъективной стороны теракта имеет цель совершения преступления. Цель террористического акта, закрепленная в диспозиции ст. 205 УК РФ, является обязательным признаком, отличающим данный состав от схожих по внешним признакам деяний, например, хулиганства или умышленного уничтожения имущества. Цель террористического акта многоаспектна и включает: а) устрашение населения; б) понуждение органов власти или международных организаций к совершению или воздержанию от совершения каких-либо действий. Достижение этой цели не является необходимым условием для квалификации деяния как оконченного преступления по ст. 205 УК РФ; достаточно самого намерения ее достичь в момент совершения общественно опасных действий¹. Если лицо совершает взрыв, осознавая его опасность, но без цели устрашения или понуждения, его действия могут быть квалифицированы, например, как умышленное уничтожение имущества (ст. 167 УК РФ) или покушение на убийство (ст. 30 и ст. 105 УК РФ), в зависимости от конкретных обстоятельств.

Мотив совершения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, хотя и не входит в обязательный перечень признаков субъективной стороны, играет существенную роль в индивидуализации ответственности и квалификации деяния, особенно при отграничении терроризма от смежных составов, мотивированных, например, личной мстостью или корыстью. Мотивы террористического акта, как правило, носят политический, идеологический, религиозный или иной общественно-политический характер. Они отражают стремление виновного к достижению определенных целей, выходящих за рамки личной выгоды, и направлены на подрыв конституционного строя, нарушение общественной безопасности или изменение государственной политики. Хотя

¹ Ардавов, М.М. Субъективные признаки преступления террористической направленности // Право и управление. 2023. № 10. С. 293.

закон не требует установления конкретного политического или религиозного мотива для квалификации по ст. 205 УК РФ, его наличие подтверждает террористическую направленность действий и часто служит основанием для применения квалифицирующих признаков, предусмотренных ч.ч. 2-4 данной статьи (например, совершение с целью дестабилизации деятельности органов власти).

Субъективная сторона террористического акта всегда предполагает интеллектуальный и волевой компоненты. Интеллектуальный компонент выражается в осознании общественной опасности своих действий, предвидении возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий (устрашение, причинение вреда) и желании их наступления. Волевой компонент заключается в направленности воли на совершение самого общественно опасного действия (взрыв, поджог) и на достижение специфической цели (устрашение, понуждение). Отсутствие волевого компонента, направленного на достижение указанных целей, исключает наличие состава терроризма¹. Например, лицо может осознавать, что его действия приведут к взрыву, но если его воля направлена исключительно на уничтожение имущества из-за личной неприязни к владельцу, а не на устрашение населения, состав ст. 205 УК РФ отсутствует.

Специфика субъективной стороны преступления по ст. 205 УК РФ проявляется и в отношении к действиям соучастников, если преступление совершается в соучастии. При групповом совершении террористического акта необходимо, чтобы все участники осознавали общественную опасность совершаемого акта и имели прямую цель, соответствующую признакам ст. 205 УК РФ. Организатор, подстрекатель или пособник, не разделяющий цели терроризма, а преследующий иные мотивы (например, корыстные), может быть привлечен к ответственности по соответствующим статьям УК РФ как соучастник, но его действия должны быть направлены на содействие

¹ Петрова Е.А. Уголовно-правовая характеристика отдельных преступлений террористического характера // Актуальные исследования. 2026. № 4 (290). Ч.II. С. 47.

совершению именно террористического акта. В этом случае, даже если у одного из соучастников мотив отличается, субъективная сторона в целом должна отражать направленность группы на достижение целей, указанных в ст. 205 УК РФ.

Рассматривая форму вины, важно отметить, что террористический акт не может быть совершен в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости в том смысле, что эти обстоятельства исключают преступность деяния. Однако, если лицо совершает действия, внешне схожие с терактом, но под влиянием обстоятельств, исключающих преступность, его психическое отношение к деянию будет иным. В контексте ст. 205 УК РФ, любое обоснованное применение силы или угрозы, не соответствующее целям терроризма, будет рассматриваться через призму иных составов или обстоятельств, исключающих преступность. Прямой умысел и цель устрашения/понууждения являются не просто элементами, а стержнем, определяющим сущность субъективной стороны данного преступления¹.

Дополнительные квалифицирующие признаки, указанные в ч.ч. 2-4 ст. 205 УК РФ (например, причинение смерти человека, причинение значительного имущественного ущерба, совершение в целях дестабилизации деятельности органов власти), также находят свое отражение в субъективной стороне. Если виновный, совершая взрыв с целью устрашения, предвидел возможность причинения смерти человека и желал этого (прямой умысел на убийство, сопряженное с терактом), либо предвидел возможность причинения смерти и сознательно допускал ее наступление (косвенный умысел на убийство), то его действия квалифицируются по ч. 2 ст. 205 УК РФ. В случае, когда смерть наступает по неосторожности, но лицо осознавало общественную опасность содеянного и желало устрашить население, квалификация осуществляется по совокупности ст. 205 УК РФ и ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), если отсутствует прямой умысел на убийство.

¹ Ващенко В.О. Уголовно-правовая характеристика террористического акта // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). С. 406.

Анализ соотношения цели и мотива показывает, что цель (устрашение населения, понуждение власти) является обязательной для квалификации по ст. 205 УК РФ. Мотив (идеологический, религиозный) является факультативным, но его наличие или отсутствие влияет на оценку общественной опасности и может служить основанием для применения более строгих санкций, предусмотренных статьями, связанными с участием в незаконных вооруженных формированиях или финансированием терроризма. Неверное толкование мотива не влечет переквалификации деяния, если цель, предусмотренная ст. 205 УК РФ, установлена.

Субъективная сторона террористического акта требует установления единства между психическим отношением виновного и самим объектом посягательства – общественной безопасностью, выраженной в страхе и дестабилизации. Недостаточно простого намерения совершить взрыв; необходимо, чтобы это намерение было направлено на достижение специфического, общественно-политического эффекта.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, характеризуется обязательным наличием прямого умысла в отношении совершения общественно опасного деяния и специфической цели, заключающейся в устрашении населения или понуждении органов власти к принятию решений. Мотив, как правило, носит политико-идеологический характер и не является обязательным признаком состава, но важен для полной характеристики общественной опасности деяния и квалификации по квалифицированным составам. Установление этих признаков является ключевым для разграничения террористического акта от других преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 205 УК РФ

§ 1. Отграничение террористического акта от смежных составов преступлений

Отграничение террористического акта, закрепленного в ст. 205 УК РФ, от смежных составов преступлений представляет собой сложную задачу правоприменительной практики, требующую тщательного анализа признаков объективной и субъективной сторон. Основное различие лежит в специфике цели, ради которой совершается общественно опасное деяние. Смежные составы, такие как хулиганство (ст. 213 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ), или умышленное уничтожение имущества (ст. 167 УК РФ), могут иметь схожие внешние проявления, например, применение взрывчатых веществ или поджог, однако их криминализирующий признак – цель – существенно различается.

Ключевым дифференцирующим признаком террористического акта является его цель: устрашение населения или понуждение органов власти (государственных, местного самоуправления, международных организаций) к совершению или отказу от совершения действий¹. Эта цель носит публично-политический, идеологический или религиозный характер и направлена на подрыв нормального функционирования общества и государства. В отличие от этого, хулиганство (ст. 213 УК РФ) мотивируется грубым неуважением к обществу, желанием нарушить общественный порядок без стремления достичь макросоциальных или политических целей. При хулиганстве, даже при использовании оружия или предметов, используемых в качестве оружия, фокус направлен на сиюминутное выражение неуважения к окружающим, а не на

¹ Андрианова В.А. Вопросы отграничения террористического акта от иных составов преступлений // Вестник молодого ученого Кузбасского института: Сборник научных статей. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 23.

системное устрашение или политическое принуждение. Если действия лица, сопровождающиеся взрывом, направлены исключительно на демонстрацию неуважения к обществу, а не на достижение целей, указанных в ст. 205 УК РФ, квалификация должна осуществляться по ст. 213 УК РФ, возможно, в совокупности со ст. 167 УК РФ, если причинен значительный имущественный вред.

Диверсия (ст. 281 УК РФ) также связана с подрывом общественной безопасности, но ее объективная сторона фокусируется на причинении вреда обороноспособности или экономической безопасности Российской Федерации путем разрушения или повреждения объектов, имеющих важное государственное или оборонное значение, либо объектов жизнеобеспечения населения. Цель диверсии – ослабление государства, подрыв его безопасности. Хотя диверсия может косвенно вызвать устрашение населения, это последствие является побочным, а не основной, конституирующей целью, как в террористическом акте. Террористический акт, напротив, может быть совершен без нанесения ущерба стратегическим объектам, например, путем взрыва в общественном транспорте или торговом центре, где основное внимание уделяется именно психологическому воздействию на население. Разграничение проводится по направленности воли: при диверсии – на ослабление государства через разрушение инфраструктуры, при терроризме – на достижение политических уступок через создание атмосферы страха¹.

Бандитизм (ст. 209 УК РФ) отличается от терроризма организационной структурой и основной целью. Бандитизм предполагает создание устойчивой вооруженной группы (банды) с целью нападения на граждан или организации. Цель бандитизма – хищение чужого имущества, получение прибыли или иное обогащение, хотя в процессе нападения могут применяться методы, вызывающие страх. Если банда совершает нападение, используя угрозы, схожие

¹ Курамшова А.П. Уголовно-правовая квалификация диверсии и ее отграничение от террористического акта // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 286.

с террористическими, для принуждения жертвы к передаче имущества, квалификация осуществляется по совокупности ст. 209 УК РФ и, возможно, ст. 206 УК РФ (захват заложника), если таковое имело место. При терроризме цель обогащения или хищения не является основной, а мотив может быть чисто идеологическим. Если же целью банды является именно политическое принуждение, а не материальная выгода, и при этом отсутствуют признаки банды, то деяние квалифицируется как терроризм.

Захват заложника (ст. 206 УК РФ) тесно связан со ст. 205 УК РФ, поскольку понуждение к действию часто осуществляется именно через удержание лица в качестве заложника. Однако если захват заложника совершается с целью получить материальное вознаграждение (выкуп) или обеспечить себе безопасный отход, это подпадает под ст. 206 УК РФ. Если же захват заложника является средством принуждения государственных органов к изменению их политики (например, освобождению осужденных террористов или прекращению антитеррористической операции), то это деяние должно квалифицироваться по ст. 206 УК РФ, но в совокупности со ст. 205 УК РФ (или как квалифицированный террористический акт, если это предусмотрено примечаниями или ч. 2 ст. 205 УК РФ). При этом важно разграничивать случаи, когда захват заложника – это лишь способ реализации террористической цели (совокупность), и случаи, когда он является самостоятельной целью (например, вымогательство).

Угроза убийством или причинением вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) или клевета (ст. 128.1 УК РФ) могут служить инструментами устрашения, но они не достигают уровня общественной опасности, присущего террористическому акту. Угроза по ст. 119 УК РФ обычно направлена на конкретное лицо с целью оказания на него личного, непубличного воздействия. Террористический акт подразумевает публичное, широкомасштабное устрашение, распространяющееся на неопределенный круг лиц. Если угроза распространяется публично через СМИ с целью заставить орган власти изменить решение, это приближает состав к терроризму, но отсутствие самого акта, указанного в диспозиции ст. 205 УК РФ (взрыв, поджог и т.п.), не позволяет

квалифицировать это как окончанный террористический акт. В таком случае может быть применена ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), если лицо осознавало ложность информации, но желало вызвать панику.

Совокупность преступлений играет важную роль при разграничении. Террористический акт часто совершается с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, что может образовывать совокупность со ст. 222 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов). В данном случае, незаконное обращение с оружием является способом совершения основного преступления – террористического акта, и квалификация производится по совокупности. Однако, если незаконное обращение с оружием совершено лицом, которое не участвовало в самом акте устрашения, а лишь предоставило оружие исполнителю, его действия квалифицируются по ст. 222 УК РФ, а его ответственность за терроризм определяется степенью соучастия.

Отграничение от умышленного причинения вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) или убийства (ст. 105 УК РФ) требует анализа субъективной стороны. Если лицо совершает взрыв, желая убить конкретного человека (например, чиновника), и при этом понимает, что это вызовет общественный резонанс, но его основной целью является именно убийство, а не устрашение власти, то деяние квалифицируется по ст. 105 УК РФ, возможно, с квалифицирующим признаком «общеопасным способом» (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Если же основной целью является именно устрашение или понуждение, а причинение вреда здоровью или смерти является сопутствующим, неизбежным или желаемым, но вторичным последствием, доминирующей квалификацией будет ст. 205 УК РФ. При наступлении смерти в результате террористического акта, квалификация осуществляется по ч. 2 ст. 205 УК РФ, что исключает необходимость дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ, поскольку состав терроризма поглощает состав убийства, совершенного в рамках террористической акции.

Особое внимание следует уделить разграничению ст. 205 УК РФ и ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма). Субъективная сторона ст. 207 УК РФ характеризуется прямым умыслом, направленным на распространение заведомо ложной информации с целью нарушения нормальной деятельности организаций или создания угрозы гибели людей, вызванной паникой. При этом лицо, совершающее деяние по ст. 207 УК РФ, не преследует цели получения политических уступок или реального устрашения населения в смысле, необходимом для ст. 205 УК РФ; его цель – нарушение работы учреждений или вызов паники как таковой. Если же ложное сообщение сопровождается реальными действиями, направленными на достижение целей ст. 205 УК РФ, то деяние квалифицируется по ст. 205 УК РФ, а ложное сообщение может быть учтено как способ совершения преступления или квалифицировано по совокупности со ст. 207 УК РФ, если оно было совершено до начала основного акта и преследовало иные цели, например, отвлечение внимания правоохранительных органов.

В случаях, когда действия виновного подпадают под признаки нескольких статей, решающее значение имеет доминирующая цель. Если цель террористическая (устрашение, понуждение), то преступление квалифицируется по ст. 205 УК РФ, а сопутствующие действия (уничтожение имущества, незаконный оборот оружия) – по совокупности. Если же целью является личная выгода, нападение на конкретное лицо или нарушение порядка без политического подтекста, доминирующей будет иная статья. Судебная практика исходит из того, что террористический акт – это преступление с усложненной конструкцией состава, где цель не просто мотив, а неотъемлемый признак, определяющий его место в системе уголовно-правовых норм.

Отграничение террористического акта от смежных составов основывается прежде всего на анализе субъективной стороны, а именно установлении наличия или отсутствия специфической цели, указанной в ст. 205 УК РФ – устрашения населения или понуждения органов власти. Схожесть объективной стороны (применение насилия, взрывов) требует детального изучения мотивации и

направленности воли виновного. Диверсия отличается фокусом на обороноспособности и экономике, бандитизм – на насильственном обогащении, хулиганство – на демонстрации неуважения к обществу. Захват заложника квалифицируется по совокупности со ст. 205 УК РФ, если он служит средством достижения террористической цели. Правильное разграничение обеспечивает законность и обоснованность применения норм об ответственности за наиболее опасные посягательства на основы конституционного строя и общественную безопасность.

§ 2. Судебная практика по делам о террористическом акте (ст. 205 УК РФ)

Судебная практика по делам о террористическом акте, предусмотренном ст. 205 УК РФ, демонстрирует сложность квалификации деяний, где объективная сторона часто совпадает с признаками других общественно опасных действий. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно акцентировал внимание на необходимости точного установления цели преступления, которая является конституирующим признаком терроризма. Пленум Верховного Суда в постановлениях, касающихся судебной практики по делам о преступлениях террористической направленности, подчеркивает: если взрыв, поджог или иные действия, перечисленные в части 1 статьи 205 УК РФ, совершены без намерения оказать воздействие на принятие решений органами власти или устрасшить население, квалификация должна быть пересмотрена в сторону смежных составов, например, умышленного уничтожения имущества (ст. 167 УК РФ) или хулиганства (ст. 213 УК РФ).

Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 24.05.2023 по делу № 1-145/2023¹ демонстрирует подход к квалификации деяний, предусмотренных ст. 205 УК РФ. Подсудимый «В.» совершил поджог релейного шкафа на железнодорожном перегоне, преследуя цель нарушения транспортного

¹ Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 24 мая 2023 г. по делу № 1-145/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

сообщения и логистики поставок грузов в интересах государственных нужд. Следствие инкриминировало ему террористический акт, основываясь на совокупности технических данных и цифровых следов, изъятых с мобильного устройства фигуранта.

Защита строила позицию на отсутствии умысла на дестабилизацию деятельности органов власти, настаивая на квалификации по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Адвокат утверждал, что действия подсудимого являлись выражением протеста против конкретных решений муниципальных служб, не направленных на запугивание населения или подрыв безопасности государства. Данная линия обороны базировалась на утверждении об отсутствии «террористического сознания» у субъекта преступления.

Суд отклонил доводы защиты, опираясь на протоколы осмотра переписки в мессенджере, где подсудимый координировал свои действия с неустановленными кураторами. Установлено, что выбор объекта посягательства – инфраструктурный узел критического значения – не был случайным. Суд счел доказанным наличие прямой связи между деянием и целью оказания воздействия на принятие решений органами власти путем создания угрозы общественной безопасности.

Важным доказательством признано заключение комплексной психолого-лингвистической экспертизы, выявившей устойчивую установку фигуранта на применение насильственных методов для достижения политических целей. Эксперты зафиксировали использование специфической лексики, характерной для радикальных сообществ, что исключило версию о «хулиганских побуждениях». Суд констатировал, что способ исполнения преступления (применение средств, способных вызвать технологическую катастрофу) объективно подтверждает террористический характер умысла.

Итоговая квалификация по ч. 1 ст. 205 УК РФ обусловлена тем, что последствия деяния создали реальную опасность гибели людей и причинения значительного имущественного ущерба. Суд указал на приоритет общественной безопасности над мотивами личного характера. В приговоре подчеркнуто: сам

факт совершения посягательства на объекты транспортной инфраструктуры в целях дестабилизации правопорядка достаточен для применения указанной статьи, вне зависимости от достижения фактического результата.

При назначении наказания суд не применил ст. 64 УК РФ, сославшись на повышенную общественную опасность преступления. Приговор по делу № 1-145/2023 подтверждает правоприменительную практику, согласно которой действия, направленные на вывод из строя объектов критической инфраструктуры, квалифицируются как террористический акт при выявлении хотя бы косвенного умысла на воздействие на органы власти. Описанный подход сужает поле для переквалификации подобных деяний на менее тяжкие составы.

Рассмотрим также другие примеры судебной практики. Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1-322/2022¹ иллюстрирует совершение террористического акта через воздействие на объекты энергетической инфраструктуры. Подсудимый, действуя по указанию кураторов, применил самодельное зажигательное устройство для повреждения трансформаторной подстанции, обеспечивающей электроэнергией районную больницу и жилой сектор. Объективная сторона выразилась в создании угрозы нарушения жизнеобеспечения населения, что квалифицировано судом как устрашение населения и дестабилизация деятельности органов власти. Суд установил причинно-следственную связь между преднамеренным выводом из строя узла электросети и возникновением риска критического сбоя в работе медицинского оборудования, требующего бесперебойного энергоснабжения.

Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска по делу № 1-89/2023² описывает иную фабулу, связанную с использованием информационно-телекоммуникационных сетей для создания угрозы общественной безопасности. Подсудимый разместил заведомо ложные сообщения о минировании

¹ Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 20 июня 2022 г. по делу № 1-322/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

² Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 2 декабря 2023 г. по делу № 1-89/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

административного здания органов местного самоуправления, совмещая это с распространением в мессенджерах требований о немедленной отставке руководства региона. Суд признал объективной стороной террористического акта не сам факт ложного сообщения, а совокупность действий: имитацию подготовки к взрыву и выдвижение политических требований под угрозой совершения взрыва. Данные действия привели к эвакуации граждан, парализации работы государственного аппарата и нарушению общественного порядка, что квалифицировано как воздействие на принятие решений органами власти.

Приговор Ленинского районного суда г. Перми по делу № 1-210/2021¹ демонстрирует применение ст. 205 УК РФ в контексте посягательства на объекты транспортной инфраструктуры путем физического воздействия. Подсудимый совершил попытку подрыва опоры железнодорожного моста с использованием взрывчатых веществ промышленного производства. Объективная сторона проявилась в закладке взрывного устройства в несущую конструкцию, что создавало реальную опасность крушения грузового состава с опасными химическими грузами. Суд подчеркнул, что преступление считается оконченным с момента совершения действий, создающих опасность наступления общественно опасных последствий, независимо от факта детонации устройства или реального повреждения объекта. Факт готовности взрывного механизма к срабатыванию стал решающим доказательством умысла на совершение террористического акта.

Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска по делу № 1-456/2023² отражает случай террористического акта, направленного против промышленного предприятия оборонного комплекса. Фигурант осуществил несанкционированный доступ на охраняемую территорию и произвел поджог складского помещения с готовой продукцией. Объективная сторона

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 12 марта 2021 г. по делу № 1-210/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

² Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 10 апреля 2023 г. по делу № 1-456/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

преступления выразилась в нанесении ущерба стратегическому объекту, что привело к срыву государственного оборонного заказа. Суд установил, что выбор места совершения преступления был обусловлен намерением нанести экономический и репутационный урон государству. Деяние квалифицировано как способ воздействия на принятие решений органами государственной власти путем создания условий, препятствующих выполнению ими своих функций по обеспечению национальной безопасности.

Судебная практика по статье 205 УК РФ характеризуется повышенным вниманием к детальному анализу состава преступления, где установление публично-политической цели является определяющим фактором для отграничения терроризма от иных преступлений, имеющих схожую внешнюю форму проявления. Разграничение с иными составами преступления требует четкого определения доминирующего объекта посягательства и конечного желаемого результата. Строгое соблюдение процессуальных гарантий при сборе доказательств, особенно касающихся негласных методов, критично для обоснованности обвинительного приговора по данной категории дел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция правовых норм, регламентирующих борьбу с терроризмом, демонстрирует явный сдвиг парадигмы: акцент смещается с фиксации фактов физического насилия на превентивный контроль над финансовой инфраструктурой, идеологической средой и латентными преступными умыслами. Подобная трансформация обусловлена метаморфозами самого феномена терроризма, который эволюционировал от разрозненных актов политического экстремизма до глобальных сетевых структур, активно эксплуатирующих цифровые инструменты для осуществления вербовочной деятельности и планирования атак.

Под основами общественной безопасности следует понимать одну из составляющих общественной безопасности как родового объекта преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ, не связанную ни с посягательством на общественный порядок, ни с нарушением специальных правил ведения различных работ или обращения с предметами, веществами и материалами общепасного характера и представляющую собой совокупность общественных отношений, обеспечивающих базовые условия безопасной жизни личности, общества и государства.

Итак, обязательный непосредственный объект террористического акта – это общественные отношения, обеспечивающие основы общественной безопасности. Дополнительными непосредственными объектами, нарушаемыми одновременно с обязательным, могут быть: общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни или здоровья личности; общественные отношения собственности, не связанные с порядком распределения материальных благ; общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов власти.

Объективная сторона террористического акта представляет собой деяние, которое по своему характеру и используемым средствам направлено на создание

или реализацию угрозы общественной безопасности через причинение вреда жизни, здоровью, имуществу или функционированию государственных систем.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, определяется совокупностью общих и специфических признаков. Общие признаки – достижение шестнадцати лет и вменяемость – являются обязательными условиями уголовной ответственности.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, характеризуется обязательным наличием прямого умысла в отношении совершения общественно опасного деяния и специфической цели, заключающейся в устрашении населения или понуждении органов власти к принятию решений.

Разграничение ст. 205 УК РФ с составами диверсии (ст. 281 УК РФ) и бандитизма (ст. 209 УК РФ) требует четкого разграничения объектов посягательства и направленности умысла. Террористический акт нацелен на нарушение общественной безопасности через создание массового страха, тогда как диверсия сфокусирована на подрыве экономической или оборонной безопасности государства. При наличии захвата заложников квалификация по совокупности ст.ст. 205 и 206 УК РФ является правомерной, поскольку объективно посягательство осуществляется на разные сферы общественных отношений.

Исследование квалифицированных и особо квалифицированных составов выявило сложность разграничения случаев, когда последствия (смерть человека) наступают в результате теракта. Квалификация по ч. 3 ст. 205 УК РФ поглощает убийство, если оно совершено как средство достижения террористических целей, а не как самостоятельное преступление. При этом доказательство причастности к финансированию (ст. 205.1 УК РФ) или публичным призывам (ст. 205.2 УК РФ) требует отдельной оценки для исключения дублирования квалификации, если эти действия не являются стадией подготовки основного теракта.

Практика применения ст. 205 УК РФ демонстрирует зависимость исхода дела от качества сбора доказательств субъективной стороны. Установление прямого умысла на достижение указанных в законе целей остается наиболее сложной задачей следствия и суда. Недостаточная аргументация наличия цели устрашения часто приводит к переквалификации на менее тяжкие составы, что снижает эффективность уголовно-правовой защиты основ конституционного строя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 6 октября 2022 г. (дата обращения: 10.01.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

4. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

5. О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

7. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума

Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2026).

9. О безопасности: Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I // Российская газета. – 1992. – 6 мая. – № 103 (утратил силу).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Аверкина, М.А. Террористический акт как преступление против общественной безопасности / М.А. Аверкина, В.В. Лизина, Н.С. Ямковенко, Д.Н. Орлов // Интерактивная наука. – 2020. – № 4 (50). – С. 99–103.

2. Андрианова, В. А. Вопросы отграничения террористического акта от иных составов преступлений / В. А. Андрианова // Вестник молодого ученого Кузбасского института: Сборник научных статей / Отв. редактор Н.Н. Ивашко. Том Выпуск 10. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 22–25.

3. Ардавов, М.М. Субъективные признаки преступления террористической направленности / М.М. Ардавов, С.В.Сурцев, Д.А. Тохова // Право и управление. – 2023. – № 10. – С. 291–295.

4. Бадамшин, С.К. Некоторые аспекты объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» / С.К. Бадамшин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 37–40.

5. Беляева, М.Г. Анализ объекта преступления на примере состава преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «террористический акт» / М.Г. Беляева // Современные инновации. – 2017. – № 7 (21). – С. 33–34.

6. Ващенко, В.О. Уголовно-правовая характеристика террористического акта / В. О. Ващенко // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 405–406.

7. Габиева, Д. Д. Объективные признаки террористического акта / Д. Д. Габиева // Технологические инновации и научные открытия: Сборник научных статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции,

Уфа, 29 сентября 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 52–61.

8. Галачиева, М.М. Характеристика объекта террористического акта: дискуссионные аспекты / М.М. Галачиева, С.Б. Беликова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 3 (219). – С. 134–136.

9. Зырина, М.С. Особенности признаков объективной стороны террористического акта / М.С. Зырина // Современная юриспруденция: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 96–98.

10. Капитонова, Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период / Е.А. Капитонова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 17–28.

11. Кочои, С.М. Законодательство об ответственности за террористический акт: ретроспективный анализ и вопросы совершенствования / С.М. Кочои // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2015. – № 7. – С. 129–134.

12. Кудрявцев, В.Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «террористический акт»: некоторые вопросы теории и практики / В.Л. Кудрявцев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2013. – № 1-2 (29). – С. 193–201.

13. Курамшова, А.П. Уголовно-правовая квалификация диверсии и ее отграничение от террористического акта / А.П. Курамшова, В.В. Мазий // Вестник науки. – 2023. – № 5 (62). – С. 283–286.

14. Кызродев, К.Б. Субъективные признаки состава террористического акта и иных преступлений террористической направленности / К.Б. Кызродев // Вестник науки. – 2023. – № 11 (68). – С. 344–354.

15. Милаева, М.Ю. Террористический акт как угроза общественной безопасности: спорные вопросы и их решения / М.Ю. Милаева // E-Scio. – 2021. – № 11 (62). – С. 1–10.

16. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; под ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. и доп. – М.: Мир и Образование, 2014. – 1376 с.

17. Петров, П.А. Терроризм: история возникновения и правового регулирования / П. А. Петров, М. В. Сальников, А. М. Чиркова // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 2. – С. 97–106.

18. Петрова, А.А. Вопросы отграничения террористического акта от смежных составов преступлений / А.А. Петрова, А.В. Штефан // Вестник магистратуры. – 2025. – № 5-1 (164). – С. 83-84.

19. Петрова, Е.А. Уголовно-правовая характеристика отдельных преступлений террористического характера / Е.А. Петрова // Актуальные исследования. – 2026. – № 4 (290). Ч.II. – С. 45–51.

20. Пикин, И.В. Историческое развитие уголовной ответственности за террористическую деятельность / И.В. Пикин, М.В. Лопина, М.И. Ключников // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2019. – № 3. – С. 200–205.

21. Рарог, А.И. Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы / А.И. Рарог // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – № 10 (98). – С. 150–156.

22. Рогожевский, А.С. Краткий анализ состава преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.С. Рогожевский // Вестник магистратуры. – 2021. – № 5-3 (116). – С. 36–38.

23. Сафонов, И.И. Организация раскрытия и расследования терроризма: монография / под ред.: А.С. Подшибякина. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2004. – 155 с.

24. Сверчков, В.В. Ответственность и меры уголовно-правового воздействия: наказание, воспитание, лечение, имущественное взыскание: монография / отв. ред. В.В. Сверчков. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 438 с.

25. Татьяна, А.В. Вопросы определения объективных признаков террористического акта / А.В. Татьяна // Вестник ТИУиЭ. – 2026. – № 1 (49). – С. 65–70.

26. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / А.В. Наумов и др.; под ред. А.Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 448 с.

27. Уголовное право. Общая часть. Семестр I: учебник для вузов / И.А. Подройкин и др.; под ред. Е. В. Серегина, С. И. Улезько. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 307 с.

28. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебник для вузов / под общей ред. В.И. Гладких, А.К. Есяна. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.

29. Черепанов, Р.А. Объективная сторона основного состава террористического акта (часть 1 статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Р.А. Черепанов // Вестник магистратуры. – 2020. – № 4-1 (103). – С. 41-44.

30. Черкасова, Я.В. Объект и объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации / Я. В. Черкасова, С. С. Полянская // Уголовное право в эволюционирующем обществе : Сборник научных статей симпозиума молодых учёных и студентов с международным участием, Курск, 08 июня 2022 года / Редколлегия: Ю.А. Панина (отв. ред.). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 285-289.

III. Эмпирические материалы

1. Приговор Ленинского районного суда г. Перми от 12 марта 2021 г. по делу № 1-210/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

2. Приговор Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 20 июня 2022 г. по делу № 1-322/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

3. Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 10 апреля 2023 г. по делу № 1-456/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

4. Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 24 мая 2023 г. по делу № 1-145/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

5. Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 2 декабря 2023 г. по делу № 1-89/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений, составляющих государственную тайну.

А.М. Исаев